

УДК 930.253+398(470.54)

Н. Б. ГРАМАТЧИКОВА

**«У нас война началась в июне»:
мемораты фольклорного архива УрФУ
как свидетельства «народной истории»**

Анализируются материалы фольклорного архива Уральского федерального университета, собранные во время экспедиций в Каменский район Свердловской области в 1976–1986 гг.

Ключевые слова: мемораты, личные воспоминания, народная история, фольклорный архив УрФУ, легенды о Ермаке, легенды о Пугачеве.

N. Gramatchikova

**«The War Started in June in Our Country»:
Memorats of the Folklore Archive of the Ural Federal University
as evidence of the «Folk History»**

In the article there are analyzed the materials of the folklore archive of the Ural Federal University collected during expeditions to the Kamensk Region of the Sverdlovsk Oblast in 1976-1986.

Key words: memorats, personal memories, folk history, folklore archive of the Ural Federal University, legends about Ermak, legends about Pugachev.

Фольклорный архив Уральского федерального университета пополнялся материалами экспедиций на протяжении без малого шестидесяти лет, за этот срок накоплены уникальные источники по истории и культуре нашего края. С 2012 г. ведутся работы по составлению описей архивных дел, частичной оцифровке материалов архива и переводу их в электронный вид. О полноте анализа пока не может идти речи, однако хочется сделать краткий обзор материалов, выявленных в Каменском районе (1976–1986) во время студенческой практики в фольклорном архиве. Эти тексты, насколько нам известно, не публиковались ранее и не были введены в научный оборот. Остановимся на меморатах, фиксирующих народную память в форме личных воспоминаний.

Характерный контекст сбора такого рода текстов – сожаления информантов о том, что «не могут ничего вспомнить». Из отчета о фольклорной практике Е. Кривоноговой, Т. Зекуновой (июль 1986 г.): «... За эти 13 дней нам пришлось встретить много людей, говорить с ними о народном твор-

честве. В основном люди старались помочь нам, что-то вспомнить. Только здесь можно понять, что сделала война. Рассказы людей о молодости, полной песен и радости, обрываются картинами мрачной трудовой жизни, похоронок, и дальше безрадостная жизнь вдовы. Поэтому понимаешь людей, кот[орые] не могли ничего вспомнить» [ФА УрФУ, 66_Каменск_рц_1986_13, л. 382]. То, что ранее казалось «отрицательным результатом», стало бесценным контекстом бытования «устной», «народной» истории и памяти.

На первый взгляд кажется, что «исходной точкой» меморатов должно быть начало собственной памяти рассказчика – его детство и юность. Однако «историческим горизонтом» многих каменных нарративов оказывается Ермак, фигура которого как бы «вплывается» в личную историю жителей Урала. Образу Ермака были посвящены исследования ведущих фольклористов Уральского университета: В. П. Кругляшовой и В. В. Блажеса, однако в описанных нами материалах Ермак возникает в памяти и речи рассказчика, едва речь заходит о движении по Уралу, контаминируясь в этой функциональности в некоторых случаях с Пугачевым и Колчаком. Вот два характерных текста: *Мы стояли на формировании в Косичинском р-не, дер. [нрзб.]. Это большое село, где-то 700 дворов в нем. Я был командиром взвода, меня поселили в очень большую семью. У них было четыре дома двухэтажных. Самому старшему 148 лет, у него было четыре сына, а старшему сыну – 121 год. Они все и жили здесь в селе, 48 человек. Мне дали квартиру в этом двухэтажном доме. Сказали, что можно поселиться в верхнем этаже. Захожу я: сидит седой старец, люльку качает и говорит: «Ты мне не сын, не внук, не правнук», – это он ребенку в люльке. Я говорю: «Как же это так?» «А вот так, – говорит, – это сын моего правнука». Мы со стариком часто разговаривали. Его со времени сбрасывало, но это редко было. Он был еще в своем уме. «Я, – говорит, – помню, как он проходил. По рекам в основном он шел, по Оби – это большая река. Он, – говорит, – по суше меньше шел. Если только когда ему нужно населенный пункт, крепость захватить». Я спрашивал: «Какая у Ермака цель была?» «Царь-батюшка, – говорит, – послал землю завоевать. Призвание (это раньше так говорили), говорит, у него такое было: завоеуй, освободи народ. Дичь им, в основном, была нужна». Еще меня интересовало: какую он власть проявлял? Сотников, говорит, оставляли. Это старики так назывались. Этим сотникам давал несколько человек и отдавал им округ в распоряжение. Сотник был глава этого округа. В тайге на Ермака инородцы нападали (евангелисты, боксисты – двумя перстами крестятся, другие*

наши русские-беглые, украинцы). Вот они на него напали, а дружина его (наподобие телохранителей) вытала и спала. Ермак тогда решил на другой берег Иртыша переплыть и из-за железной рубашки утонул. Она его на дно утащила. [Вопрос: Ермак был ранен? Ответ: Нет]. Этот старик говорил, что Ермак – казак, казак с Дона. Они, говорит, часто песню пели: «Ревела буря, гром шумел». Ее сочинили после гибели Ермака из его войска люди. Записано от С. Ф. Курицына (1901 г. р.) летом 1976 г.; д. Соколова Каменского р-на, С. Кирсановым и Т. Кощевой [Там же, 66_Каменск_рц_1976_12, л. 37–38а]. В речи этого колоритного информанта можно отметить сложные сплетения слова сказового, восходящего к устойчивой устной традиции (загадка старика) и «каверзные» вопросы и комментарии, которые характеризуют его личность и отмечаются и в других текстах, записанных от него.

Проходил он здесь, проходил. Дед не раз говорил: «Вот Ермак был, вот вояка-то был. А я-то только в Японскую воевал». Проходили организованно, не вразброд. В основном хорошо относились, говорили, никого не обижали. Много, говорит, их было. Как мужики были, мужики мужиками, в зипунах. Обмундированных мало. Оружия мало было, у кого берданки только. На Иртыше старики рассказывали, когда Омск брали в гражданскую войну, дней двенадцать стояли, что он здесь проходил, немного ниже. В Иртыше погиб. Железная рубашка на нем была, так-то бы не утонул. А как силу-то узнали. Сам могучий был. Возьмет лошадь подковать, зажмет и все. Еще в Новосибирске, когда вокзал брали, это же рассказывали, такие же разговоры были. Дедушка говорил, что несколько человек оставляют из армии Ермака и строят поселок, начинают размножаться, управу делают. Если оставить плодородные земли, то опять хищники захватят. Хищники забирались в тайгу, неорганизованным промыслом искали золото. Находили, продавали. А потом участок этот продавали. Богатый приезжали захватывал это место. Если искатель не сдается, то подкупали кого-нибудь и этого человека убивали, чтобы он никому не сообщил. Народ на это место из разных мест прибывал. Ермак сильный, грамотный был, как геолог местность определял. Забирал охотников, искателей золота. Они ему и рассказывали, где жила есть, золото. Записано от С. Ф. Курицына (1901 г. р.) летом 1976 г.; д. Соколова Каменского р-на, С. Кирсановым и Т. Кощевой [Там же, л. 39–41]. Здесь Сибирь времен гражданской войны «прорастает» Сибирью XVI в., понятной «мало обмундированным» мужикам.

В народной памяти Ермак, Пугачев, Колчак существуют в едином нерасчленном историческом пласте прошлого, с которым соотносит себя рассказчик, пересекая значимые для себя пространственные границы, когда-то впервые пересеченные этими историческими фигурами. «Мерцающий» текст, где время и место действия постоянно мигрируют из прошлого преданий в биографическое прошлое рассказчика, создает впечатление, что «культурные герои» Урала прямо определяют настоящее рассказчика, его личную биографию, пребывая в пра-времени, определившем ход вещей. Ощущение их реального присутствия в жизни интервьюируемых весьма отчетливо, равно как и их временная сближенность: *Проходил по Уралу Колчак, вперед Пугачев шел через Челябину, от Катайска 7 км, деревня Красный Яр, на Каму, на Казань. Помещиков разбивал. У него же было войско-то одни башкиры. У башкиров царь леса и землю забрал, а Пугачев помогал им. Неграмотный был человек. Он же казак, я его портрет только видел, сам не видел. С портрета он невысокий, коренастый. Они ведь со Степаном Разиным с одной местности, казаки оба. Что Степан Разин с Дона, что Пугачев [...] Записано от Ф. П. Григорьева, 1910 г. р. в феврале 1979 г., г. Каменск-Уральский, Б. Еловиковым, Т. Макаровой [Там же, 66_Каменск_рц_1979_11, л. 37–38]. В 38 году были мы в Троицке, ходили смотрели пещеру Пугачева. Здесь штаб его был. Там старики рассказывали про него. Там песню слышал: «Нас пугали Пугачом, а нам было нипочем», ребяташек им пугали. Здесь он не был. Рассказывали, что он из Челябинской области добирался до Долматова, там мужской монастырь был. Монахи снабжали Пугачева продовольств-вием и деньгами. Один у нас, Алешка его звали, читал библию и с ума со-шел, и поселился в монастыре. Мы один раз, это было в 16 году, стояли там на квартире. К нам приходят и говорят, что святой Алексей хочет нас видеть. Я знал, что Алешка у нас ушел в монастырь, уж не он ли святой Алексей? Он пришел на квартиру к нам, и точно он. Он рассказывал, что монахи, несколько человек, были связаны с Пугачевым. К ним он и шел в Долматово. Они помогли ему, снабжали его. За что их, этих монахов, сейчас презирают.* Записано от С. Ф. Курицына (1901 г. р.) летом 1976 г.; д. Соколова Каменского р-на, С. Кирсановым и С. Арутюнян [66_Каменск_рц_1976_12, л. 86–86 об.].

В этот же контекст легко встраиваются и современные рассказчикам исторические деятели. Показателен, например, текст о Гитлере, где совмещено «книжное», официальное знание информанта (о смерти Гитлера) и обязательность для рассказчика, императивность трансляции сведений,

полученных изустно (черта, восходящая к приоритету эпической полноты мира над критической поверкой отдельных фактов), когда Гитлер функционально воплощает неуничтожимость мирового зла:

Мне мужчина один рассказывал, что Гитлер все еще жив. В войну-то он не умер, а ушел подземным ходом в Португалию. Мужчина этот день называл, когда Гитлер из Берлина ушел. Сам-то этот мужчина в войну в плену был, и поэтому все знает. В Португалии-то волнения, фашизм зарождается, так это все от Гитлера. Записано от А. П. Ивановой (1928 г. р.), в июле 1977 г., с. Покровское Каменского р-на Храмолиной, Кузнецовой, Глазыриной [66_Каменск_1977_04, л. 262].

Безусловный интерес представляют рассказы об организации колхозов, первых годах Советской власти, где воспоминания о былом энтузиазме сочетаются с поздней, более трезвой оценкой результатов собственной деятельности.

С первого дня образования колхозов пошел я в агитаторы. Было это в 30 г. Собрали нас всех на собрание. Я выступил за организацию колхоза – меня и выбрали агитатором. Дали мне напарника, вот мы с ним и стали ходить уговаривать. И самим, конечно, первыми пришлось в колхозы записываться – для примера вот организовали мы колхоз в 5000 хозяйств, назвали коммуна «Красные орлы». Меня избрали в члены правления. Но скоро меня послали учиться на курсы полеводов. Приезжаю, а колхоз-то растащили весь. Мало ли беспорядков было. Обобществляли все (инвентарь, лошадь, корову), а с колхоза ничего первое время не получали. Вот и разбежались. Снова собрали собрание – решили организовать коммуна «Красные бойцы». А некоторые пошли в артель. Там уже обобществляли не все, корова оставалась хозяину. Трудное было время. Записано от Ф. Ф. Овчинникова (1903 г. р.), Каменский р-н, летом 1976 г. Николаевой и Васенькиной. [Там же, 66_Каменск_рц_1976_12, л. 75–75 об.].

Неисследованной стороной остается и гендерный аспект меморатов фольклорного архива, где хранится много женских воспоминаний. Например, вот такой текст:

Я девка бойкая была, и как колхозы-то зачинались, я много организовала, бегала по дворам. А потом меня на съезд выбрали, делегаткой. Всей деревней собирали. Шубу дали хорошую, валенки. А у меня свекровка была богомольная, она меня не пускала, и опояску-то на шубу (у меня новая была) она и не дала. Ну, я так поскакала. А в городе уже муж мой и другие, которые ехали, собрались. В гостинице жили. Он и спрашивает, почему я в старой опояске, а я ему сказала, что мамонька не дала. Он и

заругался на нее, и свой ремень мне дал. Ехали поездом, а тогда не такие поезда были, как сейчас. Ну, мы сели, ноги свесили и поехали. Спать нисколько не ложились, все смотрели, речки переезжали. В Москве на какой-то вокзал, московский что ли, приехали. Народу, народу было. Всякие там были, мы смешные, а вятские-то – те еще смешнее, да в лаптях, а мы в са-погах-валенках были. А там я Крупскую видела. Ее солдаты на носилках несли. Это сейчас на машинах, а тогда – на носилках. Она сама в сереньком пальто, только машет рукой и кричит: «Здравствуйте, товарищи женщины!»... Все кричат, руками машут. И я тоже там была, и Крупскую видела, а как же... Записано от А. Я. Кунщиковой (1895 г. р.) в июле 1977 г. д. Часовая, Каменского р-на, Н. К. Ленковой, Н. И. Назаренко, Л. Э. Чупряковой [Там же, 66_Каменск_1977_04, л. 254].

Записи, где доминирует традиционное для Среднего Урала амбивалентное отношение к религии, церкви и священнослужителям, соседствуют со свидетельствами, выражающими и благодарную память односельчан по отношению к духовенству, и чувство вины выживших; есть и легенды, относящиеся к сфере народной религиозности.

Был раньше такой святой – Семен Праведный. Он ходил по деревням, искал себе работу. То сошьет шубу из овчины, а рукава не пришьет. А то печником делается. Печь сложит, а трубу не сделает. И все это для того, чтобы люди сами умели делать, додумывались до дела... А был еще Егорий Победоносец. Появился как-то зимой змей и стал девушек поедать. А Егорий вышел за нее биться и победил змея, голову отсек... Записано от Е. П. Буйносовой, 77 лет, в июле 1986 г., г. Каменск-Уральский, Ю. Милочкиной, Т. Черкасовой [Там же, 66_Каменск_рц_1986_13, л. 335].

Зарисовки военного и послевоенного быта, видимо, не входили в сферу интересов фольклористов, и сами информанты вряд ли считали это важным для фиксации, поэтому здесь их нужно собирать буквально по крупницам.

Закончил войну в городе Пархиме. Никогда не забуду встречу на Эльбе... Американцы дарят нам часы, а наши солдаты – туговицы, ничего не было... Записано от Б. П. Лебедева (1926 г. р.), пос. Первомайский, Каменский р-н, в июле 1977 г. С. Колодкиной, Е. Костициной, Е. Плотниковой [Там же, 66_Каменск_1977_04, л. 248].

Трудно было, не додали. В цех наш муку давали – шла в глинозем. Так, бывало, сиибут механика, нахватает по горсти муки, смешают с водой и пекут лепешки: кто на кране, кто еще где... Записано от Б. В. Кожина (1910 г. р.), ветерана УАЗа, бывшего рабочего глиноземного цеха, ныне –

пенсионера, в феврале 1979 г. И. Савинкиной, Н. Каленовой, Т. Н. Якунцевой [Там же, 66_Каменск_рц_1979_11, л. 35].

А на работе такое еще бывало. Бак прорвет, щелочь на тебя бьет, а ты лезешь, заделываешь. Бывало, и на руках, и на лице коросты появлялись. Мы стали говорить: «Сколько можно!» И нам стали перчатки выдавать резиновые и маски. Записано от П. А. Сизова в феврале 1979 г. О. Сукалкой, Н. Кашмковой, И. Савиковой [Там же, л. 19].

Таковы первые, начальные зарисовки тех перспектив, которые открывает новое обращение к текстам фольклорного архива, и возможность их репрезентации в новых форматах. Память, горькая, тяжелая и – благодарная тому, что было, удивительным образом сочетающая в себе откровенные признания бедности, сиротства, непосильного труда и уверенности, что в «альтернативной реальности» все было бы еще хуже, запечатлена на страницах старых экспедиционных записей:

Раньше-то плохо жили, бедно. Купить нечего, заработать нечего. Целый год работали вдвоем с матерью – на рубаху заработать не могли. Надо и пары вспахать, и выжать, и намолотить. Все на найм шло, а для себя ничего не оставалось. Если выткет мать раз в год рубаху, то хорошо. Ее только в большие праздники одевали. Если бы не было сейчас Советской власти, не дожить бы мне до 75 лет. Записано от Ф. Ф. Овчинникова (1903 г. р.), пос. Колчедан Каменского р-на, летом 1976 г. Николаевой и Васенькиной. [Там же, 66_Каменск_рц_1976_12, л. 81].

Представленные материалы показывают, насколько богатый и разнообразный материал для осмысления дает университетская коллекция фольклорного архива, даже ограниченная темпорально (приведены данные из годичной наработки студенческой фольклорной архивной практики, тексты записывались в 1970–1980 гг.) и локально (анализировались только тексты Каменского района Свердловской области).